

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Заметки М. Горького

Источник: Звено (Париж). 1923. 2 июля. № 22. С. 3.

В первой книге нового литературно-научного журнала «Беседа», издаваемого в Берлине «при ближайшем участии проф. Б.Ф. Адлера, Андрея Белого, проф. Ф.А. Брауна, М. Горького и В.Ф. Ходасевича» помещены любопытные «Заметки» М. Горького. Это – разрозненные записи в дневнике, наброски, выписки, наблюдения. Рядом с почти законченным рассказом о банщике Степане Прохорове, восставшем на «господина Бога» за то, что он людей покинул, заметки для памяти: вот палач, пьяный Гришка, у которого под кожей надулся «воздушный пузырь» и все тянет его вверх, вот история торговца древностями Ермолая Макова, в тело которого вселилась чужая душа и за которым двадцать лет неотступно следует «шестиногий паук, величиной с небольшого козла»: он ему для страха дан, «Чтобы он собою не располагал, не погубил бы чужую душу». Записаны любопытные патологические явления, забавные случаи, характерные словечки. Все эти мелочи мастерски рассказаны – со спокойной важностью и юмором. Например, о Чехове:

«А. Чехов, сидя в саду у себя, ловил шляпой солнечный луч и пытался – совершенно безуспешно – надеть его на голову вместе со шляпой. И я видел, что неудача раздражает ловца солнечных лучей, лицо его становилось все более сердитым. Он кончил тем, что, уныло хлопнув шляпой по колену, резким жестом нахлобучил ее себе на голову, раздраженно отпихнул ногою собаку “Тузика”, прищурил глаза, искоса взглянул на небо и пошел к дому».

Или таинственный случай с Блоком:

«А.А. Блок, стоя на лестнице во “Всемирной Литературе”, писал что-то карандашом на полях книги и вдруг прижавшись к перилам, почтительно уступил дорогу кому-то незримому для меня. Я стоял наверху, на площадке, и когда Блок, провожая улыбающимся взглядом того, кто прошел вверх по лестнице, встретился с моими, должно быть, удивленными глазами, он уронил карандаш согнулся, поднимая его, и спросил: – я опоздал?»

Много мелких воспоминаний о Л. Толстом: Лев Николаевич говорит с Танеевым и Сулером о музыке; говорит с восхищением, называя ее «немой молитвой души». «И неожиданно усмехаясь в бороду, сказал мягко, как ласку: «Все музыканты – глупые люди, и чем талантливее музыкант, тем ограниченнее. Странно, что почти все они религиозные».

Чехову по телефону Толстой говорил: «Сегодня у меня такой хороший день, так радостно душе, что мне хочется, чтоб и вам было радостно. Особенно вам! Вы очень хороший, очень!»

Или другая мелочь:

«Л.Н. Толстой тихонько спрашивал ящерицу: «Хорошо тебе, а?» Она грелась на камне по дороге в Дюльбер, а он стоял перед нею, засунув за ремень пояса пальцы рук. И осторожно оглянувшись вокруг, большой человек мира сего, сознался ящерице:

– А мне – не хорошо.

И Горький даст свою формулу личности Толстого: «Он не слушает и не верит, когда говорят не то, что нужно ему. В сущности – он не спрашивает, а допрашивает. Как собиратель редкостей, он берет только то, что не может нарушить гармонию его коллекции». Его ощущение Толстого: «Это – как в пустыне, где все сожжено солнцем, а само солнце тоже догорает, угрожая бесконечной, темной ночью».

«Заметки» Горького – сырой материал, без внешней «литературной обработки» – но в них есть крепкая внутренняя форма и безыскусственность их – искусство.